

Политика и Общество

Правильная ссылка на статью:

Константинов М.С., Федосов М.В. Институционализация памяти о политических репрессиях в современном российском обществе: сравнительный анализ деятельности государственных и общественных организаций // Политика и Общество. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74405 EDN: GHZUMY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74405

Институционализация памяти о политических репрессиях в современном российском обществе: сравнительный анализ деятельности государственных и общественных организаций

Константинов Михаил Сергеевич

ORCID: 0000-0003-2781-789X

кандидат политических наук

доцент; кафедра теоретической и прикладной политологии; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ konstantinov@sfedu.ru



Федосов Матвей Васильевич

студент; институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, зд 105/42

✉ fedosovmatvey@gmail.com



[Статья из рубрики "МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2025.2.74405

EDN:

GHZUMY

Дата направления статьи в редакцию:

09-05-2025

Дата публикации:

16-05-2025

Аннотация: Статья исследует процесс институционализации памяти о сталинских

...институции. Статья исследует процесс институционализации памяти в сталинских политических репрессиях в постсоветской России, с акцентом на роль государственных и частных организаций в формировании исторического нарратива. Представлен сравнительный анализ деятельности государственных и общественных организаций в современном российском обществе. В работе рассмотрены теоретические концепции коллективной памяти М. Хальбвакса, Я. Ассмана и А. Ассман, а также политика памяти П. Нора. Особое внимание уделено динамичному процессу институционализации памяти, который включает как «проработку», так и «преодоление» прошлого. В контексте сталинских репрессий это выражается в создании музеев, мемориалов и исследовательских организаций, а также в формировании институциональной поддержки государственного нарратива о репрессиях. Основной акцент сделан на различиях между официальными и альтернативными институтами памяти, таких как Российское историческое общество и общественные организации, включая «Мемориал». Охарактеризованы ключевые особенности их деятельности, в том числе влияние государственной политики на научные исследования и общественные инициативы. Исследование основывается на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы историографии, социологии памяти и критического дискурс-анализа. На этой базе исследуется типология организаций памяти и их роль в формировании коллективных представлений о репрессивном прошлом. По результатам проведённого анализа показано, как институционализация памяти о репрессиях стала важным инструментом формирования гражданской идентичности в условиях политической трансформации России. Выявлены механизмы коммеморации, роль социальных и политических институтов в сохранении исторической памяти и их влияние на общественное сознание. Установлено, что государственные организации ориентированы на трансляцию официальной интерпретации исторических событий, в то время как частные структуры стремятся к критическому переосмыслению репрессивного опыта и его инкорпорации в общественное сознание с целью превенции аналогичных явлений. Результаты исследования демонстрируют амбивалентность процесса институционализации памяти в условиях конкурирующих нарративов о советском прошлом и свидетельствуют о необходимости диалога между различными акторами политики памяти для формирования консенсусного представления о травматическом историческом опыте.

Ключевые слова:

политика памяти, институционализация памяти, политические репрессии, историческая память, коммеморативные практики, гражданское общество, государственная историческая политика, Мемориал, Российское историческое общество, коллективная травма

Введение

Противоречивое отношение к интерпретации исторических событий в российском социокультурном пространстве сформировалось задолго до институционализации политики памяти, что подтверждается, в частности, различиями в восприятии таких ключевых событий, как революция 1917 года, Гражданская война, репрессии 1930-х годов и Великая Отечественная война. Каждое из этих событий вызывало многочисленные и нередко диаметрально противоположные трактовки как в научной среде, так и в массовом сознании, что указывает на глубокие расколы в коллективной памяти задолго до её институционального оформления. Подтверждением данного тезиса выступают исторические прецеденты, результаты которых до настоящего времени

остаются предметом научной полемики и общественной дискуссии. В числе подобных парадигматических примеров можно указать многочисленные факты, иллюстрирующие политические репрессии сталинского периода. Их оценка в российском обществе до нынешнего дня остаётся крайне поляризованной [\[12\]](#). В постсоветский период сформировалось представление о необходимости интеграции негативного исторического опыта в коллективную память с целью предотвращения повторения подобного опыта. Данную функцию частично взяли на себя общественные организации историко-исследовательского профиля, однако возникает закономерный вопрос относительно соответствия их практической деятельности декларируемым уставным целям, в частности, в контексте конституирования исторической памяти о репрессиях в общественном сознании. Не менее важным является проблема агрегирования усилий государственных институтов коллективной памяти, ориентированных на консолидацию общества, с практиками общественных организаций, критические установки которых в отношении наиболее травматических событий прошлого могут «работать» на воспроизводство социальных расколов и противоречий.

Теоретико-методологическая база исследования

Целью настоящего исследования выступил анализ деятельности государственных и частных организаций в процессе институционализации исторической памяти о сталинских политических репрессиях в современном российском обществе в период с 1987 по 2023 год. Реализация поставленной цели потребовала решения следующих задач: - провести сравнительный институциональный анализ государственных и частных организаций, занимающихся вопросами сохранения и изучения памяти о репрессиях в России; - исследовать трансформацию подходов к коммеморации репрессий в контексте изменения государственной политики памяти; - выявить механизмы конституирования исторической памяти в условиях политической трансформации российского общества; - определить роль и эффективность различных институциональных акторов в формировании коллективной памяти о сталинских репрессиях; - изучить динамику взаимодействия между официальными и неофициальными нарративами памяти о репрессиях.

Объектом исследования выступили институциональные практики сохранения и трансляции исторической памяти о сталинских политических репрессиях в российском обществе в период с 1987 по 2023 год. В предмет исследования вошли деятельность государственных и частных организаций в процессе институционализации памяти о репрессиях, их структурно-функциональные характеристики, механизмы воздействия на формирование коллективных представлений о репрессивной политике советского периода, а также взаимоотношения между различными акторами политики памяти в контексте трансформации российского общества.

Рабочей гипотезой исследования было предположение о том, что процесс институционализации памяти о сталинских репрессиях в России характеризуется нарастающим противоречием между государственными и негосударственными акторами, при котором государственные организации постепенно монополизируют право на формирование официального исторического нарратива, вытесняя альтернативные формы коммеморации, представленные общественными организациями. При этом, несмотря на институциональное давление со стороны государства, негосударственные организации продолжают выполнять важную функцию сохранения критической и травматической памяти, трансформируясь в новые, более адаптивные формы гражданской активности. Как представляется авторам статьи, на данном этапе институционализации коллективной памяти о сталинских репрессиях именно частные организации должны находить

возможности объединения усилий с государственными институтами памяти в совместной «проработке прошлого» с целью минимизации негативных последствий наиболее травматических событий прошлого.

В процессе проверки данной гипотезы были получены результаты, обладающие признаками научной новизны: - в исследовании синтезированы теоретические концепты культурной памяти и критического дискурс-анализа с эмпирическим изучением деятельности конкретных общественных организаций в России; - обоснована идея о наличии противоречия между институциональной риторикой и реальной деятельностью организаций памяти, в контексте формирования постсоветского исторического сознания; - показано, как процессы институционализации памяти могут приводить не к унификации, а к конфликтной многослойности исторических нарративов, отражающейся на общественно-политическом климате; - обоснована необходимость объединения усилий государственных и частных институтов коллективной памяти в проработке наиболее травматичных событий прошлого с целью устранения социальных расколов и консолидации общества.

В методологическом плане исследование основывалось на комплексном междисциплинарном подходе, в рамках которого методологические инструменты историографии использовались для анализа исторических источников и дискуссий вокруг репрессий, социологии памяти – для изучения коллективных представлений и механизмов их воспроизводства, политической социологии – для выявления роли политических институтов в формировании нарративов о прошлом, а критический дискурс-анализ – для интерпретации риторики и символических практик организаций памяти. Теоретической базой исследования выступали концепции коллективной памяти М. Хальбвакса, культурной памяти Я. Ассмана, политики памяти П. Нора и институционализации памяти А. Ассман.

Одну из важнейших и сохраняющих свою актуальность концепций коллективной памяти предложил французский социолог, ученик Эмиля Дюркгейма Морис Хальбвакс. Он показал, что память человека формируется в контексте социальных взаимодействий: «... Свои воспоминания человек, как правило, приобретает, воссоздаёт в памяти, узнаёт и локализует именно в обществе» [\[19, с. 28\]](#). При этом индивидуальная память всегда опирается на коллективную и существует лишь постольку, поскольку данный индивид является продуктом определенной группы, участвует в ее мышлении и отождествляет себя с ее прошлым [\[19, с. 29\]](#). Соответственно, коллективная память различна у разных социальных групп (классов, слоёв, страт и т. д.), поскольку каждая из них создаёт свои собственные «рамки памяти»: «Каждая группа создаёт представление о своём прошлом, которое отражает сознание её единства во времени и её своеобразия по отношению к другим группам» [\[19, с. 306–307\]](#). Наконец, самым важным тезисом М. Хальбвакса является утверждение о динамичных характеристиках памяти: прошлое не сохраняется в застывшем и неизменном виде, оно «реконструируется исходя из настоящего» [\[19, с. 30\]](#).

Идеи М. Хальбвакса были развиты в концепции культурной памяти немецкого культуролога Яна Ассмана [\[2\]](#). Согласно предложенной им дистинкции коммуникативной и культурной памяти, ключевым отличием между ними является процесс институционализации последней: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками... Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом, при этом способность культурной памяти реконструировать прошлое связана с тем, как это прошлое прикреплено к фундаментальным для данной группы нарративам

и образам» [\[2, с. 52-55\]](#). В отличие от коммуникативной памяти, культурная память имеет своих определённых институционально носителей: шаманов, бардов, грио, жрецов, учителей, художников, писателей, учёных, мандаринов и прочих «уполномоченных знания» [\[2, с. 56\]](#). Я. Ассман подчеркивает, что благодаря институционализации, культурная память является основой формирования коллективной идентичности, выходя за рамки коммуникативной памяти, ограниченной 3–4 поколениями, и распространяясь на периоды в сотни и тысячи лет посредством текстов, ритуалов, памятников и других культурных практик.

Этот институциональный аспект памяти получил дальнейшее развитие в концепции другого немецкого культуролога, супруги Яна Ассмана Алейды Ассман [\[1\]](#). Алейда Ассман акцентирует внимание на институциональных аспектах памяти, её динамике и трансформациях, особенно на переходе индивидуальных воспоминаний в различные коллективные формы через процессы медиализации и институционализации. Актуальное со времён М. Хальбвакса противопоставление индивидуальной и коллективной памяти она расширила до четырёх «формаций памяти», различающихся по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы, а также по степени стабильности этой группы: память индивида, социальную память (память социальной группы), политическую память (память политического коллектива нации) и культурную память [\[1, с. 13\]](#). Концептуальное значение имеет также различие активной и пассивной памяти («канона» и «архива»): функционирующая культурная память поддерживает ограниченный запас текстов, образов и ритуалов, которые активно циркулируют и передаются из поколения в поколение. Референтная память, или «архив», представляет собой пассивную форму хранения, которая консервирует прошлое как прошлое [\[1, с. 34\]](#). Согласно А. Ассман, институционализация памяти представляет собой процесс создания и легитимации социальных институтов, призванных регулировать практики коммеморации и тем самым формировать общественное сознание относительно значимых исторических событий [\[1, с. 149\]](#). Наконец, с институционализацией памяти тесно связаны два других концептуальных момента: динамика памяти и забвения, а также места памяти и травматическая память. Как отмечала сама А. Ассман, память состоит не только из процессов запоминания, но и забвения, которые нельзя отделить друг от друга; забвение – не противоположность памяти, но её составная часть [\[1, с. 142\]](#).

Понятия «мест памяти» и «травматической памяти» являются важными для анализа репрессий. Под травматической памятью понимается форма коллективной памяти, связанная с событиями, вызвавшими глубокие психосоциальные травмы, такими как массовые репрессии, войны, геноциды. В случае сталинских репрессий травматическая память проявляется в неспособности общества к полной интеграции этого опыта в национальный нарратив, что выражается в противоречивом символическом освоении прошлого – от героизации до табуирования. Анализ травматической памяти позволяет проследить, каким образом коллектив осмысляет травматическое прошлое, и как формируются институциональные и культурные механизмы его коммеморации или вытеснения. По П. Нора, места памяти формируются при ощущении утраты живой памяти и требуют институционального восполнения: архивов, памятных дат и т. д. [\[20, см. также: 13\]](#). П. Нора подчеркивает, что современная политика памяти неразрывно связана с формированием национальной идентичности и проявляется через конструирование мест памяти – материальных, символических и функциональных точек кристаллизации коллективной памяти, которые становятся инструментами государственной политики и национального строительства.

Таким образом, разработанная Морисом Хальбваксом, Яном и Алейдой Ассман, а также Пьером Нора динамическая концепция коллективной памяти, включающая понятия институционализации, намеренной амнезии, мест памяти, травмы и др., предоставляет исследовательский инструментарий, обладающий крайне высоким эвристическим потенциалом для анализа проблем коммеморации сталинских политических репрессий. Кроме того, описанный методологический подход, акцентирующий институциональные аспекты памяти, а также её носителей, позволяет исследовать деятельность государственных и общественных организаций как ключевой фактор трансформации исторической памяти в социальных группах.

Методологической инновацией исследования является также применение метода сравнительного институционального анализа для выявления структурных и функциональных различий между организациями государственного и частного типов. Как отмечает Н.Е. Копосов, «сравнительный анализ институтов коллективной памяти позволяет выявить латентные механизмы инструментализации прошлого различными политическими акторами» [\[5\]](#).

В рамках исследования использованы методы качественного и количественного контент-анализа публичных выступлений руководителей организаций памяти и официальных публикаций на их веб-ресурсах. Deskриптивная статистика применялась для анализа финансирования и кадрового состава исследуемых организаций. По замечанию О.Ю. Малиновой, количественные методы исследования политики памяти приобретают особое значение при анализе институциональных аспектов коммеморативных практик [\[7, с. 148-149\]](#).

Временные рамки исследования охватывают период с 1987 года (год основания общества «Мемориал», символически обозначающий начало институционализации памяти о репрессиях в постсоветской России) по 2023 год (год ликвидации «Мемориала» в России и активизации государственной политики памяти, что позволяет зафиксировать важный этап трансформации институциональных практик в условиях современного политического контекста) (основание общества «Мемориал») по 2023 год.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии концептуального аппарата изучения политики памяти в российском контексте, а практическая ценность состоит в выявлении эффективных механизмов конституирования исторической памяти в условиях политической трансформации. Как справедливо указывает И.И. Курилла, изучение институциональных аспектов политики памяти имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для формирования гражданской идентичности в постсоветских обществах [\[6\]](#).

Концептуализация проблемы институционализации памяти

Институционализация памяти предполагает закрепление определённых версий прошлого через устойчивые нормы, практики и организации, обладающие символическим и/или юридическим авторитетом. В контексте российского общества особенно актуально разграничение между официальными и альтернативными институциями памяти, что позволяет рассматривать процессы конкуренции и сосуществования различных нарративов. Согласно А. Ассман, институционализация сопровождается процессом селективного запоминания и забвения, в результате чего формируется «каноническое» прошлое, опосредованное механизмами власти [\[1, с. 141-149\]](#). Государственные институты, как правило, обеспечивают трансляцию нормативных версий истории через школьное

образование, музейную политику и официальные церемонии. Напротив, общественные организации, такие как «Мемориал», стремятся к институционализации контр-памяти, предлагая альтернативные формы коммеморации и интерпретации.

В рамках российского процесса институционализации памяти можно выделить два ключевых аспекта: проработка прошлого и преодоление прошлого. Данные процессы рассматриваются не только как моральный императив, но и как необходимое условие стабильного развития общества [\[10\]](#).

В контексте исторической памяти о сталинских политических репрессиях в современном российском обществе, проработка прошлого манифестируется посредством перманентной актуализации значимости и масштабности исторических событий (создание музейных комплексов, мемориалов, благоустройство исторических локаций, формирование исследовательских фондов и организаций, специализирующихся на изучении дискурса политических репрессий). Преодоление прошлого реализуется через интеграцию исторического опыта в общественное сознание, его усвоение на эмпирическом и теоретическом уровнях (реабилитация репрессированных, амнистия осужденных в коммеморативные даты, превентивные меры в отношении потенциальных репрессивных тенденций посредством участия гражданского общества в формировании государственной политики).

Таким образом, институционализацию памяти о репрессиях советского периода можно концептуализировать как *процесс инкорпорации характеристик и последствий сталинских политических преступлений в коллективное сознание российского общества с целью недопущения их рецидива*. Данный процесс инициировался в период перестройки, когда были опубликованы многочисленные материалы о «культе личности» и «миллионах жертв исправительно-трудовых лагерей», рассекречены архивы органов государственной безопасности, содержащие труднодоступные для восприятия данные, а также легализована ранее запрещенная художественная и научная литература. Параллельно с тенденциями к гласности и демократизации общества формировались некоммерческие автономные организации добровольческого характера, целью которых являлось эмпирико-исследовательское изучение дискурса репрессий и расширение их ментального значения в социуме.

Роль государственных и частных организаций в процессе институционализации памяти

В результате к исследованию данной проблематики проявили интерес и **государственные структуры**, которые в той или иной форме приняли участие в формировании соответствующих сообществ. В данном процессе можно выделить две взаимосвязанные тенденции: с одной стороны, государство способствует созданию и распространению формально автономных социальных институтов с заданной тематической направленностью; с другой – стремится к их институционализации и, по возможности, регламентации их деятельности и численного состава. Это объясняется, как правило, необходимостью своевременного реагирования и предотвращения спекуляций на исторических фактах.

Общий вектор функционирования большинства российских организаций подобного рода постепенно сместился от анализа распространения результатов исследования репрессивной политики в сторону дифференциации «сфер влияния» между государством и гражданским обществом – при явном доминировании первого. Безусловно, подчинение историко-исследовательских сообществ, занимающихся темой репрессий,

государственной опеке не может быть охарактеризовано исключительно в негативном ключе: оно сопряжено с устойчивым финансированием, институциональной поддержкой, включением в исследовательскую повестку новых тем, а также привлечением квалифицированных специалистов из академических и университетских кругов. Однако ключевая проблема подобного сотрудничества заключается в утрате автономии: любые исследовательские инициативы неизбежно подпадают под воздействие государственной политики, что существенно ограничивает свободу научного поиска.

Аналогичные процессы затронули и отдельных историков-исследователей, оказавшихся втянутыми в политические и идеологические конфликты [\[10\]](#) в качестве активных участников профессионального сообщества. Следствием этого может стати и нередко становится политическая ангажированность их исследований.

Всего в рамках анализа исследовательских сообществ историко-компаративного профиля, специализирующихся на изучении памяти о сталинских репрессиях, можно выделить две основные категории организаций: официальные, созданные при поддержке государственных институтов и продолжающие получать их финансирование, и частные, основанные исключительно по гражданской инициативе и на частных средствах.

К первой категории относятся Российское историческое общество (РИО), Российское военно-историческое общество (РВИО) и Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, созданная в 2010 году по инициативе заместителя министра образования И.И. Калины [\[9\]](#).

РИО и РВИО представляют собой комплементарные структуры, что подтверждается хронологической близостью их учреждения: РИО было создано в мае 2012 года, а РВИО – в декабре того же года по указу Президента РФ. Основная функция данных организаций заключается в медиации и легитимации официальной позиции в вопросах политики памяти [\[17\]](#). На это указывает ряд обстоятельств: во-первых, симметричность некоторых положений уставных документов (в частности, декларация о «противодействии попыткам искажения истории и искоренении научно-исторического дилетантизма»), что детерминирует освещение исторических событий, включая политические репрессии, исключительно в контексте официальной документалистики, что имплицитно ведет к доминированию одной интерпретации исторических событий над альтернативными точками зрения.

Во-вторых, в числе учредителей обоих обществ присутствует значительное количество официальных должностных лиц и государственных организаций (председателем РИО является действующий директор Службы внешней разведки РФ С.Е. Нарышкин, а председателем РВИО – помощник президента РФ В.Р. Мединский) при полном отсутствии частных лиц и объединений. В-третьих, финансирование данных организаций осуществляется преимущественно из федерального бюджета с тенденцией к ежегодному увеличению объема средств [\[16\]](#).

Следовательно, данные экспертные сообщества созданы государством с целью формирования, аккумуляции и репродукции лояльного экспертно-научного мнения, обеспечивающего легитимацию государственной политики памяти. Таким образом, процесс конституирования памяти о советских политических репрессиях, инициируемый РИО и РВИО, как правило, связан с актуализацией конвенциональных представлений об этом историческом периоде.

Ассоциация школьных учителей истории и обществознания [\[3\]](#) отличается специфической

целевой аудиторией – школьным сообществом. Согласно кодексу Ассоциации, ее цель заключается в эффективном разрешении актуальных проблем педагогического сообщества и консолидации коллективов учителей истории. Однако фактически данная организация функционирует как трансляционный механизм официальной интерпретации исторических и политических событий от преподавателей к учащимся. В школьном курсе отечественной истории политическим репрессиям отводится маргинальная роль, что приводит к отсутствию критической рефлексии учащихся относительно причин и современной релевантности данного феномена. Высокая рецептивность молодого поколения к информации обусловила приоритетное создание Ассоциации (2010 год) по сравнению с РИО и РВИО (2012 год). Трансляция официальной позиции относительно политических репрессий XX века молодому поколению представляется более эффективной стратегией по сравнению с прошлым опытом взаимодействия государства с советскими поколениями и поколением 1980–90-х годов, сформировавшим в 90-х гг. XX в. по результатам этого взаимодействия излишне критическое отношение к прошлому собственной страны, которое в «нулевых» годах сменилось на апологетическое отношение. В то время как проработка и рецепция прошлого предполагает взвешенное отношение как к проблемным периодам истории, так и понимание условий их породивших.

Частные организации по сохранению и изучению исторической памяти о репрессиях основаны на частных инвестициях инициативных граждан и функционируют на основе их коллективной воли. К данной категории относятся общества «Мемориал» [\[8\]](#) (признан иностранным агентом, деятельность запрещена на территории РФ), «Последний адрес» [\[14\]](#) и «Вольное историческое общество» [\[4\]](#).

«Мемориал» был основан в 1987 году как продолжение историко-просветительской секции клуба «Демократическая перестройка» [\[15\]](#). В период демократизации общества стало возможным не только открытое обсуждение феномена репрессий, но и использование ранее засекреченных архивных документов. Однако с 2000-х годов наблюдается трансформация государственной исторической политики с акцентом на «цивилизационной самодостаточности» и приоритете воспитательных аспектов исторических нарративов [\[9\]](#). В соответствии с уставом, деятельность «Мемориала» направлена на «увековечение памяти жертв политических репрессий и восстановление исторической правды» [\[18\]](#), а также «содействие развитию гражданского общества, правового сознания граждан и демократического правового государства, чтобы не допустить возврата к тоталитаризму» [\[18\]](#).

Здесь прослеживается дивергенция основных целей государственных и частных организаций: если первые транслируют официальную позицию относительно репрессий на все общество (при этом стараясь не модифицировать историческую истину, но напротив, декларируя «недопущение искажения исторических фактов»), то вторые осуществляют глубокий анализ архивных материалов и критически (иногда, надо признать, чрезмерно критически) оценивают официальный дискурс с целью сохранения «исторической правды». Более того, спектр деятельности «Мемориала» включает не только историко-просветительскую работу, но и реабилитацию репрессированных и их потомков, а также правозащитную деятельность в контексте современных нарушений прав человека.

Иллюстрацией этой деятельности может служить разработанная в 2013 году «Мемориалом» в сотрудничестве с Русской Православной Церковью и государственными

структурами федеральная программа «Об увековечивании памяти жертв политических репрессий»^[11], предусматривающая создание новых музеев и «мест памяти», введение коммеморативных дат жертв репрессий наряду с государственными и церковными праздниками, а также инкорпорацию детальной информации о политических преступлениях того периода в школьные и вузовские учебники. Первоначально наблюдался интерес как общества, так и правительства к участию в данном проекте. Однако в 2014 году было объявлено о нецелесообразности принятия данной программы и предлагаемых ею инноваций.

Одновременно с этим решением усилилось правовое и общественное давление на «Мемориал», результатом которого стало выявление в деятельности организации ряда правонарушений (административного и уголовного характера) и последующее прекращение деятельности юридического лица в 2021 году. Вопреки этому, в 2022 году бывший председатель Общества объявил о продолжении работы организации без регистрации юридического лица в качестве добровольного объединения.

Резюмируя деятельность «Мемориала» в контексте конституирования памяти о репрессиях в российском общественном и культурном дискурсе, можно констатировать, что она носила оппозиционный характер по отношению к официальной интерпретации и стремилась к расширению представлений граждан о репрессиях и механизмах их инструментализации в современной политической системе. При этом как было показано в предыдущем разделе, государственные организации также никогда не отрицали сам факт репрессий. Вопрос скорее заключается в расставлении акцентов: государственные организации акцентируют исторические причины, приведшие к репрессиям, и необходимость «проживания» этой темы, в том смысле, что она должна остаться в прошлом; «Мемориал» и некоторые из аналогичных ему частных организаций, напротив, постоянно акцентировали факты репрессий, актуализировали эти факты в общественном сознании, что конечно же, имеет важное значение для перевода памяти из «архива» в «канон» (А. Ассман), но в политическом смысле может иметь негативным результатом рост конфликтности в обществе. Поэтому расхождение между государственными мемориальными структурами, и частными в интерпретации столь травматичных событий прошлого, как сталинские репрессии, вполне понятно.

«Последний адрес» представляет собой проект, поддерживаемый «Мемориалом» и преследующий аналогичные цели распространения памяти о конкретных репрессированных людях посредством установки мемориальных досок на фасадах домов, где проживали осужденные. Однако данная инициатива также столкнулась с проблемой: зафиксированы случаи вандализма в отношении мемориальных досок, их демонтажа, а также конфликтных ситуаций с представителями городских администраций, критикующих целесообразность программы и указывающих на ее «несогласованность с департаментом градостроительства», что квалифицирует инициативу как административное правонарушение или «самоуправство».

Несмотря на противоречия между деятельностью реализаторов проекта и административно-бюрократическими требованиями, он сохраняет востребованность среди лиц, чьи семьи были непосредственно затронуты репрессиями и заключением в системе ГУЛАГа. Согласно данным социологического опроса, проведенного в 2021 году, 70 % москвичей выражают положительное отношение к проекту «Последний адрес», в то время как негативное отношение демонстрируют лишь 16 % респондентов ^[11].

«Вольное историческое общество» (ВИО) имеет существенные точки соприкосновения как с «Мемориалом» и «Последним адресом», так и с Ассоциацией школьных учителей

истории и обществознания (с тем отличием, что ВИО работает со всем комплексом фактов и избегает идеологически ангажированных выводов): его деятельность сфокусирована на дискуссии относительно недостатков преподавания истории и реализации политики памяти в РФ в целом (включая политические репрессии).

Задачи ВИО во многом конгруэнтны стремлениям «Мемориала» противостоять сокрытию достоверных фактов и противодействия их манипулятивному использованию в публичном пространстве. Однако существенное различие заключается в более умеренной позиции ВИО относительно взаимодействия с государственными структурами и политических тенденций в целом. В результате, Вольное историческое общество эффективно функционирует, осуществляя автономные исследования без ориентации на официальную позицию, в отличие от «Мемориала», испытывавшего значительные трудности в диалоге с правительством. По мнению авторов статьи, именно ВИО может стать институциональным образцом в решении проблемы консолидации усилий государства и гражданского общества по проработке памяти о сталинских репрессиях, не ведущих к углублению социальных расколов и конфликтов.

Институциональная динамика: между государством и гражданским обществом

Формирование институциональных структур памяти в постсоветской России происходило в условиях столкновения различных акторов, нарративов и политических интересов. Общество «Мемориал», основанное в 1987 году, стало первой крупной неправительственной организацией, заявившей своей целью сохранение памяти о политических репрессиях. Оно объединило исследовательскую, образовательную и правозащитную деятельность, что сделало его уникальным институтом в сфере исторической памяти.

С самого начала «Мемориал» развивался как независимая инициатива, основанная на принципах добровольного участия, открытости архивов и критического отношения к прошлому. Его деятельность была направлена не только на фиксацию фактов репрессий, но и на создание устойчивой культурной и образовательной инфраструктуры памяти: электронных баз данных, мемориальных досок, памятных мероприятий, публикаций воспоминаний. Подобный подход соответствует концепции «активной памяти» Алейды Ассман, ориентированной на преодоление травмы через признание и институциональное закрепление [\[1\]](#).

С другой стороны, начиная с 2000-х годов усилилось влияние государства в формировании политики памяти, особенно в отношении советского периода. Государственные институты, такие как Российское военно-историческое общество (РВИО), стали продвигать более героико-патриотические интерпретации прошлого, в которых репрессии занимают подчинённое место. Эти организации выполняют функции «канонической памяти», легитимируя единый государственный нарратив [\[1, с. 150\]](#). В этом контексте происходит смещение от плюралистической модели памяти к монополизации исторического дискурса государством.

Противопоставление «Мемориала» и РВИО как институциональных акторов демонстрирует ключевые различия в стратегиях коммеморации: первая организация опирается на травматическую и критическую память, вторая – на интегративную и мобилизационную. Эти различия проявляются как в семиотике публичных ритуалов, так и в структуре финансирования, кадровом составе, типах источников и каналах распространения информации. Например, публикации «Мемориала» опираются преимущественно на архивные документы и личные свидетельства, в то время как материалы РВИО часто

используют синтетические нарративы и символические образы советского героизма.

Важно отметить, что ликвидация «Мемориала» в 2021 году не означает исчезновения институциональной памяти о репрессиях как таковой, но свидетельствует о трансформации условий её артикуляции. Возникают новые инициативы, часто в цифровой форме (например, проекты «Последний адрес», «Бессрок»), которые перенимают функции коммеморации вне рамок официального институционального поля. Это соответствует модели «дисперсной (накопительной) памяти», предложенной А. Ассман, когда память существует в виде фрагментов, распределённых по различным носителям и практикам, без единого центра [\[1, с. 33\]](#).

Таким образом, институциональная структура памяти в России формируется как поле напряжения между государственными и негосударственными акторами, между централизованной и сетевой логикой. Сравнительный анализ этих моделей позволяет выявить не только идеологические, но и организационные параметры «борьбы за прошлое». Однако, как представляется авторам данной статьи, более продуктивной будет практика не борьбы, а «сотрудничества за прошлое». И одним из институциональных образцов такого сотрудничества частных мемориальных организаций с государственным может стать «Вольное историческое общество», которое ищет и находит способы продуктивного взаимодействия с государственными структурами, сохраняя при этом установку на недопустимость фальсификаций исторической памяти и сокрытия достоверных фактов.

Заключение

Резюмируя проведённый анализ, можно сформулировать следующие выводы: инструментализация элементов исторической памяти о репрессиях и процесс её конституирования государственными структурами демонстрирует устойчивый характер, что наиболее отчетливо проявляется в идеологическом и властно-управленческом аспектах. Процесс актуализации в памяти российского общества противоречивой проблематики сталинских репрессий прошёл все этапы, описанные Алейдой Ассман: переходы из «архива» в «канон», из «дисперсной (накопительной) памяти» в «функциональную» и т. д. Не менее интересны также выявленные противоречия между «политической памятью» (которая имеет тенденцию к унификации и инструментализации; функции сохранения и трансляции этой памяти взяли на себя российские государственные институты) и «культурной памятью», которая всегда «противится подобному сужению» [\[1, с. 35\]](#). Как было показано выше, на роль носителей этого вида памяти в России претендовали частные организации, но на данный момент они всё более берут на себя функции накопительной памяти. Как справедливо отмечала Алейда Ассман, сохранение памяти в дисперсном виде практически ничего не даёт в плане проработки прошлого [\[1, с. 33\]](#). Такой вид памяти нуждается в актуализации в общественном сознании, только тогда он способен преодолеть социальную амнезию. Поэтому в контексте описанного процесса российским общественным организациям, занимающимся исследованием тематики сталинских репрессий, следует сохранять активную позицию с целью предотвращения массовой исторической амнезии и деградации общественного сознания, которые по последствиям могут превзойти аналогичные явления сталинской эпохи. Но при этом не менее важно также общественным организациям находить способы сотрудничества с государственными коммеморативными институтами с целью выработки совместной политики памяти, что будет способствовать снижению конфликтогенного потенциала травматических событий прошлого.

[1] См.: Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 г. N 1561-р О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (дата обращения: 11.04.2025).

Библиография

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. - Москва: Новое литературное обозрение, 2014. - 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. - Москва: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
3. Ассоциация учителей истории и обществознания [Электронный ресурс]. - URL: <http://schoolhistorians.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
4. Вольное историческое общество [Электронный ресурс]. - URL: <https://web.archive.org/web/20211202092630/https://volistob.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
5. Копосов Н. Е. Память строго режима: История и политика в России / Н. Е. Копосов. - Москва: Новое литературное обозрение, 2011. - 320 с.
6. Курилла И. И. История, или Прошлое в настоящем / И. И. Курилла. - Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. - 168 с. EDN: YRQRDN
7. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. - Москва: Политическая энциклопедия, 2015. - 207 с. EDN: UIAXZD
8. Международный Мемориал [Электронный ресурс]. - URL: <https://memo.ru/ru-ru/> (дата обращения: 11.05.2025).
9. Миллер А. И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ / А. И. Миллер; под ред. О. Ю. Малинова. - Москва, 2015. - С. 210-235. EDN: XSPKQH
10. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти - причины и последствия // Politeia. - 2019. - № 3.
11. Москвичи о проекте "Последний адрес" [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.levada.ru/2021/05/21/moskvichi-o-proekte-poslednij-adres/> (дата обращения: 11.04.2025).
12. Никольский С. А. Человек в тоталитарном государстве. Статья первая. Война и страх // Человек. - 2020. - № 2 (31). - С. 128-149. DOI: 10.31857/S023620070009632-2 EDN: BGTCCCK
13. Нора П. [и др.]. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. - Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. - 329 с.
14. Последний адрес | Одно имя, одна жизнь, один знак [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.poslednyadres.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
15. Путилова Е. Г. "Мемориал": становление / Е. Г. Путилова. - Москва: Перо, 2013.
16. Расследование РБК: зачем Мединскому Военно-историческое общество // РБК [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.rbc.ru/society/13/07/2015/559e8f459a7947860ab1f73a> (дата обращения: 11.04.2025).
17. Российское военно-историческое общество [Электронный ресурс]. - URL: <https://rvio.histrf.ru/> (дата обращения: 11.04.2025).
18. Устав межрегиональной общественной организации Правозащитный центр "Мемориал" [Электронный ресурс]. - URL: <https://memohrc.org/ru/specials/ustav-mezhregionalnoy-obshchestvennoy-organizacii-pravozashchitnyy-centr-memorial> (дата

обращения: 11.04.2025).

19. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. - Москва: Новое издательство, 2007. - 348 с. EDN: QXSOXF

20. Nora P. (dir.) Les Lieux de mémoire. En 3 t. T. 1: La République. T. 2: La Nation. T. 3: Les France. - Paris: Gallimard, 1984.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе выступает институционализация памяти о политических репрессиях, в работе проведен сравнительный анализ деятельности современных российских государственных и общественных организаций в этом направлении.

Методология исследования базируется на комплексном междисциплинарном подходе, в рамках которого историография используется для анализа исторических источников и дискуссий вокруг репрессий, социология памяти – для изучения коллективных представлений и механизмов их воспроизводства, политическая социология – для выявления роли политических институтов в формировании нарративов о прошлом, а критический дискурс-анализ – для интерпретации риторики и символических практик организаций памяти.

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью интеграции негативного исторического опыта в коллективную память с целью предотвращения повторения подобного опыта, а также с возникающими вопросами о соответствии практической деятельности общественных организаций историко-исследовательского профиля декларируемым уставным целям.

Научная новизна работы состоит в выводах о том, что институциональная структура памяти в России формируется как поле напряжения между государственными и негосударственными акторами.

Структурно в статье выделены следующие разделы: Введение, Теоретико-методологическая база исследования, Концептуализация проблемы институционализации памяти, Роль государственных и частных организаций в процессе институционализации памяти, Институциональная динамика: между государством и гражданским обществом, Заключение и Библиография.

В публикации авторы выделяют две взаимосвязанные тенденции в процессе формирования сообществ сохранения исторической памяти: с одной стороны, государство способствует созданию и распространению формально автономных социальных институтов с заданной тематической направленностью; с другой – стремится к их институционализации и регламентации их деятельности и численного состава, что объясняется необходимостью предотвращения «спекуляций на исторических фактах». Высказана точка зрения о том, что экспертные сообщества созданы государством с целью формирования, аккумуляции и репродукции лояльного экспертно-научного мнения, обеспечивающего легитимацию государственной политики памяти. В работе также отражена деятельность частных организаций, осуществляющих анализ архивных материалов и критически оценивающих официальный дискурс о политических репрессиях.

Библиографический список включает 20 источников – публикации по рассматриваемой теме на русском языке в российских научных журналах, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие

наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить, что в публикации не сформулированы такие элементы методологического аппарата исследования как цель, задачи, рабочая гипотеза, научная новизна – доработка материалов в этом направлении придаст работе привычный научный вид. Кроме этого в списке литературы около трети всего количества источников приходится на интернет-ресурсы, которые в соответствии с принятыми редакцией Правилами оформления списка литературы в раздел «Библиография» не должны включаться, их следует упоминать «в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Тема статьи актуальна, представленный на рецензирование материал отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene», может вызвать интерес у читателей, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья является значимым вкладом в изучение политики памяти в современной России и предлагает комплексный анализ институциональных механизмов формирования исторических нарративов о сталинских репрессиях. Работа отличается теоретической глубиной, методологической строгостью и актуальностью, что делает её ценной для исследователей в области конфликтологии, исторической социологии и memory studies.

Теоретико-методологическая основа исследования включает в себя ключевые концепции коллективной и культурной памяти (М. Хальбвакс, Я. и А. Ассман, П. Нора) применительно к анализу российского социально-исторического контекста. Это позволяет не только описать процессы институционализации, но и выявить их специфику в условиях политической трансформации. Междисциплинарный подход, сочетающий методы историографии, социологии памяти и критического дискурс-анализа, усиливает научную ценность работы.

Исследование охватывает широкий временной период (1987–2023 гг.) и включает детальный разбор деятельности как государственных (РиО, РВиО), так и общественных организаций («Мемориал», «Последний адрес»). Сравнительный анализ их роли в формировании памяти о репрессиях выявляет ключевые противоречия: между централизованной «канонической» памятью и альтернативными нарративами, между политической инструментализацией прошлого и гражданскими инициативами.

В отношении научной новизны необходимо признать, что автор достаточно последовательно обосновывает гипотезу о нарастающем конфликте между государственными и негосударственными акторами памяти, подчёркивая, что даже в условиях институционального давления альтернативные формы коммеморации сохраняются в адаптированных формах (например, цифровые проекты). Особенно важным представляется вывод о «дисперсной памяти» (А. Ассман), которая продолжает существовать вне официального поля.

Статья затрагивает острые вопросы современной российской исторической политики, включая ликвидацию «Мемориала» и усиление государственного контроля над нарративами о репрессиях. Работа имеет не только академическую, но и общественную ценность, так как поднимает проблему сохранения критического осмысления прошлого в условиях идеологической монополизации.

Среди значимых критических замечаний в методологическом отношении можно назвать недостаточную репрезентативность эмпирических данных и ограниченность временных рамок.

Так, хотя автор ссылается на социологические опросы (например, отношение москвичей к «Последнему адресу»), анализ мог бы выиграть от включения более широких региональных данных или сравнения с другими постсоветскими странами.

Период после 2022 года рассмотрен фрагментарно. Углублённое изучение новых форм гражданской активности (например, онлайн-архивов) могло бы дополнить прогностическую составляющую исследования.

Статья представляет собой образцовое исследование, сочетающее теоретическую строгость с актуальной проблематикой. Однако некоторые выводы и результаты носят излишне резкий, ценностно-окрашенный характер, что снижает объективность исследования. Кроме того, автором практически не рассматривается проблема фальсификации истории, которая играет значимую роль в дискуссиях о политике памяти. Необходимо доработать статью в соответствии с замечаниями ниже:

1. Избыточная оценочность выводов

Автор последовательно противопоставляет «официальные» и «альтернативные» нарративы, при этом государственные институты (РИО, РВИО) описываются как инструменты монополизации памяти, а общественные организации («Мемориал», «Последний адрес») — как носители «истинной» исторической правды. Такой подход создаёт упрощённую дихотомию, игнорируя сложность процессов формирования коллективной памяти.

Государственные инициативы сводятся к идеологическому контролю, тогда как их деятельность (например, поддержка архивных исследований, мемориализация жертв репрессий) остаётся без внимания.

Общественные организации идеализируются, хотя их интерпретации прошлого также могут быть субъективными и политически ангажированными.

Подобная поляризация снижает научную нейтральность работы и создаёт впечатление не анализа, а скорее полемического высказывания.

2. Игнорирование проблемы фальсификаций и манипуляций

Одним из ключевых вопросов в современных *memory studies* является проблема достоверности исторических нарративов и борьбы с их искажениями. Однако автор:

не рассматривает случаи сознательных фальсификаций (например, мифологизацию масштабов репрессий или, наоборот, их полное отрицание), которые могут исходить как от государственных, так и от негосударственных акторов.

не анализирует, как государственные организации аргументируют свою позицию (например, ссылаясь на архивные данные или экспертные оценки), ограничиваясь тезисом о «монополизации памяти».

не учитывает, что некоторые общественные инициативы могут быть политически мотивированы, что также влияет на достоверность их интерпретаций.

Если государственные структуры действительно стремятся к унификации исторического нарратива, то это требует более взвешенного анализа: какие именно трактовки отвергаются и на каком основании? Существуют ли в их деятельности элементы научной критики, или речь идёт исключительно об идеологическом контроле?

3. Альтернативный взгляд: необходимость баланса

Память о репрессиях — сложный и травматический феномен, и её осмысление требует не противопоставления «официального» и «неофициального» дискурсов, а критического анализа обоих. Возможные направления для более объективного исследования:

Как государственные и общественные организации работают с источниками? Насколько

их интерпретации подтверждаются архивными данными?

Существует ли диалог между разными акторами памяти? Или их взаимодействие сводится только к конфликту?

Какие механизмы противодействия фальсификациям истории предлагают обе стороны?

Заключение

Статья содержит ценный эмпирический материал и интересные теоретические наблюдения, но её выводы страдают избыточной политизированностью. Для большей научной строгости стоило бы: снизить оценочность формулировок, включить анализ проблемы достоверности исторических нарративов, рассмотреть аргументацию всех сторон, а не только их идеологические позиции.

Без этого исследование рискует выглядеть не как нейтральный академический анализ, а как часть самого конфликта памяти, который оно изучает.

В целом статья соответствует уровню и тематике журнала Конфликтология издательства Nota Bene и может быть опубликована после устранения всех замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тысячелетняя история России насыщена героическими победами и драматическими неудачами. К слову, только на протяжении двадцатого века дважды наше государство распадалось, менялись идеологические приоритеты. В годы Перестройки активно происходило не только низвержение господствовавшей на протяжении семидесяти лет официальной коммунистической идеологии, но и осуществлялся пересмотр прошлого нашего Отечества. В этой связи вызывает интерес изучение тех исторических процессов, которые имеют полярную оценку в российском обществе.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является институализация памяти о политических репрессиях в современном российском обществе. Автор ставит своими задачами проанализировать дефиницию коллективная память, определить роль государственных и частных организаций в процессе институционализации памяти, а также изучить динамику взаимодействия между официальными и неофициальными нарративами памяти о репрессиях.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать деятельность государственных и частных организаций в процессе институционализации исторической памяти о сталинских политических репрессиях в современном российском обществе в период с 1987 по 2023 год.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего информационными лентами, уставными документами и т.д. Из используемых автором исследований укажем на работы П. Нора, в центре внимания которого находятся вопросы коллективной памяти, а также Е.Г. Путиловой, рассматривающей общество "Мемориал". Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по её теме.

В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как коллективной памятью, в целом, так и коллективной памятью о репрессиях, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "институционализацию памяти о репрессиях советского периода можно концептуализировать как процесс инкорпорации характеристик и последствий сталинских политических преступлений в коллективное сознание российского общества с целью недопущения их рецидива". Автор отмечает, что "в рамках анализа исследовательских сообществ историко-компаративного профиля, специализирующихся на изучении памяти о сталинских репрессиях, можно выделить две основные категории организаций: официальные, созданные при поддержке государственных институтов и продолжающие получать их финансирование, и частные, основанные исключительно по гражданской инициативе и на частные средства". В работе показано, что деятельность общества

"Мемориал"

"носила оппозиционный характер по отношению к официальной интерпретации и стремилась к расширению представлений граждан о репрессиях и механизмах их инструментализации в современной политической системе".

Главным выводом статьи является то, что

"инструментализация элементов исторической памяти о репрессиях и процесс её конституирования государственными структурами демонстрирует устойчивый характер, что наиболее отчетливо проявляется в идеологическом и властно-управленческом аспектах".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

Рецензент не согласен с тем, что отношение к Великой Отечественной войне в российском обществе полярно, напротив, на наш взгляд, это то событие, которое по-настоящему объединяет наш народ.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Политика и Общество".